

2008

Эволюция русской языковой картины мира и культура речи

Алексей Шмелёв

Follow this and additional works at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj>

Part of the [Slavic Languages and Societies Commons](#)

Recommended Citation

Шмелёв, Алексей (2008) "Эволюция русской языковой картины мира и культура речи," *Russian Language Journal*: Vol. 58: Iss. 1, Article 12.

Available at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol58/iss1/12>

This Article is brought to you for free and open access by the Journals at BYU ScholarsArchive. It has been accepted for inclusion in Russian Language Journal by an authorized editor of BYU ScholarsArchive. For more information, please contact ellen_amatangelo@byu.edu.

Эволюция русской языковой картины мира и культура речи*

Алексей Шмелёв

Среди самых разных слоев современного российского общества широко распространено мнение, согласно которому за последние два десятилетия русская речь подвергается серьезным изменениям. Когда обсуждают языковые изменения последнего времени, чаще всего говорят об изменениях речевого этикета, о том, что жаргонные и просторечные слова стали активно использоваться в средствах массовой информации и в публичной речи политических деятелей, о постепенном снятии табу на скверноматерную брань, о наплыве иноязычных заимствований. В связи с явлениями такого рода журналисты часто бьют тревогу по поводу «порчи языка». Лингвисты, как правило, обыкновенно занимают более взвешенную позицию и, соглашаясь с тем, что названные процессы имеют место, предпочитают говорить о падении речевой культуры (если они полагают, что изменения в речи еще не стали нормой) или же об уже происшедшем изменении языковых норм. Однако и среди лингвистов распространено мнение, что именно последние двадцать лет характеризуются особенно серьезными изменениями русской речи; и даже утверждается, что русский язык находится «на грани нервного срыва» (Кронгауз 2007). Нередко под представление о резком увеличении скорости языковых изменений в этот период подводятся теоретические основания. Ср.: «Очень часто поводом для увеличения скорости языковых изменений оказываются внешние по отношению к языку события... Для двадцатого века такими событиями оказались революция и перестройка. Они, очевидным образом, вызвали серьезные изменения в языке и речи, что привело в первую очередь к расшатыванию существующей нормы» (Кронгауз 2004, 163).

Мой тезис состоит в том, что в целом ряде случаев изменения вообще оказываются мнимыми. Разумеется, речевая практика непрерывно изменяется, и в тех случаях, когда соответствующие изменения

* Статья написана в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи»).

конвенционализуются, можно говорить об изменении языка. Однако во многих случаях за изменения языковых норм принимают социальные изменения и связанное с ними изменение языковой ситуации, т. е. условий функционирования языка; а иногда изменения и вовсе оказываются мнимыми. В первой части статьи я предполагаю обосновать это утверждение.

Тем не менее ощущение того, что русская речь стала существенно иной (настолько, что это может привести к «нервному срыву»), не может возникнуть совсем на пустом месте. Во второй части статьи речь пойдет о действительных языковых изменениях последних двух десятилетий и о том, почему многими они воспринимаются как «порча языка». Отмечается, что по большей части эти изменения носят системный характер и могут быть связаны со сдвигами в русской языковой картине мира, как она понимается в Новомосковской школе концептуального анализа (Шмелев 1984).

Здесь уместно сказать несколько слов о том, что может считаться подлинными языковыми изменениями. Критерием того, что в самом деле имело место языковое изменение, может служить необходимость модифицировать имеющееся лингвистическое описание в целях отражения этого изменения, идет ли речь об изменении произносительных норм, словообразовательных моделей, семантики, сочетаемости или грамматических свойств или стилистической окраски каких-либо лексических единиц. Скажем, исчезновение начального звука [j] в словоформах *им* и *их*, кодификация управления *смириться с чем* вместо старого *смириться перед кем/чем*, «исчезновение» яркой просторечной окраски у слова *показуха*, ставшей одной из характерных единиц советского публицистического стиля, — все это языковые изменения, имевшие место в русском языке в минувшем столетии.

Аналогичный подход применим и к понятию «снижение речевой культуры». О снижении или падении речевой культуры некоторого языкового сообщества можно говорить в тех случаях, когда это сообщество демонстрирует явно худшее владение нормами литературного языка, нежели это было в предшествующий период (напр., абитуриенты делают больше орфографических ошибок во вступительных сочинениях или на научной конференции систематически не соблюдают сложившиеся нормы устной научной речи).

Возникает вопрос: действительно ли мы на протяжении последних двадцати лет наблюдаем существенные языковые изменения, которые

необходимо зафиксировать в нормативном лингвистическом описании, и снижается ли речевая культура тех или иных языковых сообществ?

Мнимые изменения

То, что часто мы имеем дело не с языковыми изменениями, а лишь с изменениями условий функционирования языка, можно пояснить на простом примере. Все замечают, что политический дискурс в наши дни характеризуется весьма неформальной и сниженной речью, подчас доходящей до прямой грубости. Об этом говорили и в девяностые годы (см., напр., Костомаров 1999), говорят и сейчас (см., напр., предисловие к словарю Скворцов 2006, 3-7). Если сравнить язык современной газетной заметки с «дубовым» языком советских газет, контраст будет очевиден всякому. Сказанное касается и публичной речи государственных деятелей. Скажем, такие выражения бывшего президента России Путина как *замочить в сортире, от мертвого осла уши, замучаетесь пыль глотать*¹ и т. п., были совершенно не характерны для речи советских вождей времен «застоя», как она представляла в изображении средств массовой информации. Однако мы не можем в связи с этим говорить о языковых изменениях, поскольку стилистическая характеристика и восприятие подобных выражений не изменились: они по-прежнему рассматриваются как сниженные, грубо-просторечные. Нет оснований и для того, чтобы говорить о снижении речевой культуры государственных деятелей: просто в годы «застоя» мы не слышали спонтанной речи советских вождей, а на основании умения прочесть речь по бумажке заключения об уровне речевой культуры сделать нельзя².

Разумеется здесь играют роль особенности идиолекта Путина, но еще важнее то, что посредством современных средств массовой информации мы можем составить существенно более адекватное представление о речи политиков, нежели это было возможно в советское время. Можно быть уверенным, что Борис Ельцин (впоследствии ставший президентом России) и Виктор Черномырдин (впоследствии — глава правительства России) в бытность советскими начальниками пользовались теми же речевыми средствами, которые стали известны в 1990-е гг. благодаря газетам и телевидению. А в тех случаях, когда советский агитпроп почему-либо

¹ При этом *замучаетесь* представляет собою эвфемизм скверноматерного глагола.

² Если отвлечься от того обстоятельства, что при зачитывании вслух письменного текста невысокий уровень речевой культуры может проявляться, напр., в неправильной постановке ударений.

признавал желательным использование грубых выражений — напр., по адресу политических врагов советского строя — они использовались весьма активно (это было характерно для языка советской пропаганды 1920-30-х гг., но встречалось и позднее — ср. знаменитую *кузькину мать* Никиты Хрущева).

Но с чем бы ни связывать тот факт, что средства массовой информации транслируют спонтанную речь российских государственных деятелей, — с расцветом свободы слова или с тем, что такая трансляция признана целесообразной с точки зрения государственной политики, — мы имеем дело с социально-политическим, а не с языковым явлением. Говорить здесь о языковых изменениях не более оправданно, чем видеть изменения в «языке русского плаката» на том основании, что вместо лозунгов *Слава КПСС!* и т. п. на улицах российских городов мы видим рекламные объявления. Разумеется, язык советских лозунгов сильно отличается от языка рекламных объявлений; и тот, и другой заслуживают тщательного изучения³; однако очевидно, что язык русской рекламы ни в какой мере не является развитием или трансформацией языка советских лозунгов. Точно так же в ситуации, когда из некоей квартиры выехала проживавшая там профессорская семья, а на ее место приехали жильцы с низким уровнем образования и речевой культуры, говорить, что язык данной квартиры изменился или речевая культура жильцов данной квартиры снизилась, значило бы затемнять ясную картину поверхностным и вводящим в заблуждение описанием.

Когда говорят о «резких языковых изменениях» за последние полтора десятилетия, весьма часто указывают на изменения речевого этикета, понимаемого в самом общем плане — как правила, или нормы, речевого поведения (Кронгауз 2004, 165). Однако более внимательное рассмотрение показывает, что эти изменения по большей части оказываются мнимыми или же имели место в существенно более ранний период.

Так, в числе изменений речевого этикета указывают на распространившийся обычай называть российских политических лидеров «на западный лад», при помощи имени в сочетании с фамилией (т. е. без отчества: *Борис Ельцин, Анатолий Чубайс, Геннадий Зюганов*). Однако здесь мы имеем дело с некоторым заблуждением. Дело в том, что использование имени без отчества в сочетании с фамилией — это вполне принятый в

³ Языку советских лозунгов в свое время была посвящена пионерская работа Ю. И. Левина, перепечатанная в сборнике его избранных трудов (Левин 1998, 542-556); о языке рекламы к настоящему времени написано множество статей и диссертаций.

русской традиции и в русском речевом этикете способ обозначения публичных лиц.

Следует заметить, что правила выбора именованя публичных лиц «с отчеством» или «без отчества» (*Борис Ельцин* или *Борис Николаевич Ельцин?*) достаточно сложны. Скажем, царей и цариц всегда было принято называть двойким образом (*царь Михаил* или *царь Михаил Федорович*) — оба способа именованя не противоречат русскому речевому этикету. Есть речевые сферы, в которых при именовании известного человека принято использовать сочетание имени-отчества с фамилией. Сюда относится, например, речь ученого сообщества, в которой «по отчеству» именуют не только признанных классиков, но и всех коллег, в письменной речи имя-отчество обычно заменяется инициалами (разумеется, при именовании иностранных коллег приходится ограничиваться сочетанием имени и фамилии). Точно так же «с отчеством» именуют лиц в официально-деловой (канцелярской) речи, в которой, кроме того, часто используется неестественный с точки зрения русских общелитературных норм порядок слов: имя-отчество не предшествует фамилии, а следует за нею. А вот спортсменов почти всегда называли и называют без отчеств (*Игорь Нетто*, *Михаил Таль*, *Ирина Роднина*); широкая публика и не знает отчеств большинства действующих спортсменов. Только в тех случаях, когда спортсмен, дожив до преклонных лет, продолжает оставаться общественно значимой фигурой, его начинают уважительно «величать по отчеству» (*Михаил Моисеевич Ботвинник*, *Николай Петрович Старостин*). Писателей также всегда было принято называть без отчеств, посредством сочетания имени с фамилией (*Белла Ахмадулина*, *Иосиф Бродский*, *Варлам Шаламов*), и читающая публика часто не знает отчеств даже самых известных писателей. Только в том случае, если писатель начинает восприниматься как «классик», сложившийся обычай требует, чтобы его именовали «с отчеством», так что любой школьник знаком с сочетаниями *Александр Сергеевич Пушкин*, *Михаил Юрьевич Лермонтов*, *Лев Николаевич Толстой*, *Федор Михайлович Достоевский*. Более того, сочетания *Александр Пушкин*, *Николай Гоголь*, *Федор Достоевский* (которыми, собственно, и надписывались прижизненные публикации этих авторов) могут казаться современному читателю несколько непривычными. Некоторая коллизия возникает, когда писатель использует псевдоним (который чаще всего, как это и предполагается установившимся обычаем, состоит из имени и фамилии): если писатель начинает восприниматься как «классик», то положено его именовать по имени-отчеству, а отчество в составе псевдонима отсутствует. Обычно при

этом используют подлинное имя-отчество писателя, например, писателя, использовавшего псевдоним *Максим Горький*, называют «Алексей Максимович Горький». В некоторых случаях, чтобы «спасти положение», к псевдониму добавляют подлинную фамилию писателя: так, Михаила Евграфовича Салтыкова, писавшего под псевдонимом *Н Щедрин*, в наше время чаще всего именуют «Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин».

Та же самая техника использовалась и по отношению к политическим деятелям, в том числе советским вождям (которые до революции часто в конспиративных целях пользовались псевдонимами). При этом псевдоним часто соединялся с подлинным именем политического деятеля (без отчества). Отсюда такие сочетания, как *Владимир Ленин* и *Иосиф Сталин*, которые весьма активно использовались и в советское время, в том числе в официозе. Ср. примеры из «Национального корпуса русского языка»:

- (1) Под общий хохот она рассказала о своем посещении Васеньки на дому, о никелированной кровати и голубом атласном одеяле и о двух больших портретах на стене — *Владимира Ленина* и Валентина Эльского. [В.В. Вересаев. Сестры (1928-1931)]
- (2) За границей существовал основоположник этого учения, но Самгин все еще продолжал называть учение это фантастической системой фраз, а *Владимира Ленина* мог представить себе только как интеллигента, книжника, озлобленного лишением права жить на родине, и скорее голосом, чем реальным человеком. [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 4 (1928-1935)]
- (3) Крупнейший в СССР завод магистральных электровозов выпускает локомотивы марки "ВЛ" (*Владимир Ленин*) мощностью 4.300 и 5.700 л. с. [Круиз по Волге (краткое описание) В помощь гиду-переводчику (1971)]
- (4) Поехали. На теплоходе "*Иосиф Сталин*" [Стрелка/ Любовь Орлова]. Мне необходимо поехать в штаб / дайте мне лодку. [Капитан теплохода]. [Волга-Волга, к/ф (1938)]
- (5) Ровно в 15 часов от пристани отошел под флагманским вымпелом теплоход "*Иосиф Сталин*". [Теплоход "Иосиф Сталин" вышел в Москву // "Сталинское знамя", 1952.08.03]
- (6) Память о самом великом человеке, вожде всех трудящихся *Иосифе Сталине* будет вечно жить в наших сердцах". [Безмерна

скорбь прогрессивного человечества о кончине И.В. Сталина // "Вечерняя Москва", 1953.03.07]

(7) Вечная слава памяти *Иосифа Сталина!* [Безмерна скорбь прогрессивного чеовечества // "Труд", 1953.03.08]

Лишь в поздние советские годы в официальном дискурсе возобладал обычай именовать вождей посредством имени-отчества, и на этом фоне использование по отношению к российскому государственному деятелю только имени (без отчества) и фамилии может выглядеть некоторой инновацией. Однако на самом деле никакого резкого изменения не было, поскольку то, что кажется новым, на самом деле является вполне традиционным и соответствующим речевому этикету способом именования⁴.

Часто также утверждают, что полные варианты личных имен, имеющих сокращенные варианты (*Владимир* при наличии *Володя*, *Петр* при наличии *Петя*, *Наталья* при наличии *Наташа*), ранее в функции обращения без отчеств не употреблялись — в частности, это утверждение встречается в уже цитированной книге (Кронгауз 2007, 112-113)⁵; сходное замечание сделал (устно) В. И. Беликов на конференции «Диалог'2008» в июне 2008 г. Соответственно, внедрение такого способа обращения в обиход рассматривается как существенное изменение речевого этикета: «Сегодня старый этикет фактически разрушен. В тех ситуациях, где раньше было принято называть собеседника по имени отчеству, а теперь только по имени, ...используются Мария и Владимир, что раньше было недопустимо» (Кронгауз 2007, 113). Однако и здесь «разрушение речевого этикета» оказывается мифом: тексты русской литературы свидетельствуют, хотя и косвенным образом, что такое обращение было довольно обычным

⁴ Во избежание недоразумений замечу, что речь идет исключительно о выборе между именем-отчеством и именем без отчества. Чаще всего известные люди, будь то спортсмен, писатель, ученый или государственный деятель, именуется в третьем лице просто по фамилии (*Ботвинник*, *Солженицын*, *Менделеев*, *Сперанский*). Кроме того, по отношению к коммунистическим деятелям иногда используется сочетание фамилии со словом *товарищ* (*товарищ Сталин*), к некоммунистическим деятелям — сочетание фамилии со словом *господин* (*господин Касьянов*), а к членам титулованных дворянских родов — сочетание фамилии с титулом (*граф Толстой*, *князь Потемкин*).

⁵ Правда, автор делает оговорку, упоминая «строгое родительское» обращение: *Владимир, ты до сих пор не сделал уроки!* Но в целом он уверен: «Еще пятнадцать лет назад невозможно было вообразить себе ситуацию, что человека без всякой иронии в разговоре назовут *Александром* или *Константином*... Подобные имена использовались только вместе с отчествами» (Кронгауз 2007, 113).

на протяжении всего XX в., поскольку часто персонажи обращаются в них друг к другу именно так.

Иногда изменение речевого этикета действительно имело место, но нет достаточных оснований для того, чтобы утверждать, что оно произошло именно в последние двадцать лет.

Так, нередко отмечается, что из официального обихода уходит обращение *товарищи*. Однако это еще не является сменой речевого этикета: слово *товарищ* использовалось (и до сих пор используется) коммунистами в качестве обращения к своим единомышленникам. В советское время, когда предполагалось, что все советские люди являются сторонниками коммунистических идеалов и «строителями коммунизма», слово *товарищи* использовалось как универсальное официальное обращение к советским людям (но, напр., к людям, приехавшим с Запада, если это не были члены «братских» партий, обращались *Дамы и господа!*). До сих пор на своих собраниях коммунисты продолжают пользоваться обращением *товарищи*; а то, что оно перестало быть универсальным официальным обращением, обусловлено не изменением речевого этикета, а падением коммунистической власти.

Для полноты картины полезно проследить историю обращения *товарищи* в русской речи. Первоначально оно не было связано с социалистической идеей, а служило для обозначения людей, объединенных на основе «мужской солидарности», обусловленной «боевым товариществом» или совместным участием в одном деле. Генерал Ермолов применял по отношению к солдатам обращение *товарищи* даже в приказах — ср. свидетельство о Ермолове из труда знаменитого военного историка, генерала русской армии В. А. Потто: «...он смотрел на солдат не как на мертвую силу, хотел поднять до известной высоты личность каждого из них и в своих приказах называл их товарищами» (Потто 2007). Часто, особенно в народных песнях, говорят о *товарищах-разбойниках*. Отсюда уже один шаг к использованию этого слова для обращения социалистов друг к другу. Более того, после революции оно вошло в обиход советских людей, даже не разделяющих коммунистические воззрения, но к концу 60-х годов прошлого века перестало использоваться как обиходное обращение. Об этом свидетельствует, например, Бенедикт Сарнов, который пишет в книге «Наш советский новояз», что к середине 1930-х гг. это обращение «уже совсем утратило свою былую "партийную" окраску и даже в сознание людей старшего поколения окончательно вошло как синоним дореволюционного "господа"». По его мнению, «разве только эмигрант,

осевший где-нибудь в Париже или Лондоне, мог слышать в таком обращении привкус чего-то чужеродного». Однако в конце 1960-х годов «слово “товарищи” на слух молодого, подрастающего поколения уже опять стало звучать как чужеродное, отчасти даже враждебное» (Сарнов 2002, 266). Именно молодое поколение конца 1960-х — 1970-х гг. стало снова употреблять обращение *господа*, хотя, разумеется, не в официальной обстановке. Иными словами, замена обращения *товарищи* на *господа* произошла в неофициальном узусе более сорока лет тому назад.

Таким образом, «возрождение» обращения *господа* в более официальном употреблении представляет собою не изменение речевого этикета, а изменение общественной ситуации в России, когда языковой вкус нового поколения получил возможность открыто проявляться в речи. Языковой и этикетный статус обращений *товарищи* и *господа* почти не изменился: обращение *товарищи* выбирается при ориентации на советские нормы, *господа* — при отталкивании от них, как это и было в поздние советские годы.

Справедливости ради надобно заметить, что для некоторых носителей языка обращение *господа* непривычно и вызывает неуверенность при необходимости обратиться к разнополой аудитории. Отсюда возникает калькированное обращение «Дамы и господа!» и версия, будто именно это обращение было общепринятым в предреволюционной России. Любопытно, что в плену этого заблуждения иногда оказываются и лингвисты. Так, в книге «Русский язык на грани нервного срыва» Максим Кронгауз пишет по поводу обращения *господа* к разнополой аудитории: «Происходит это по аналогии с неизменяемым по роду *товарищи*, хотя в соответствии с дореволюционным этикетом нужно говорить: *дамы и господа*» (Кронгауз 2007, 109-110). Однако на самом деле в предреволюционном речевом этикете *господа* было стандартным обращением к разнополой аудитории (кстати, об этом косвенно свидетельствуют и тексты русской классической литературы).

Более изысканным примером новаций в использовании речевого этикета, является использование журналистами сочетания слова *отец* с именем, но без указания фамилии при обозначении представителей белого духовенства. Обративший на это внимание В. А. Успенский заметил, что фраза *Его сопровождал отец Даниил* в официальном коммюнике звучит не менее странно, чем фраза *Его сопровождал сотрудник министерства иностранных дел Олег*; он указывает, что для дореволюционного языка нормой было сочетание слова *отец* с фамилией священника, напр. *отец*

Новицкий (Успенский 2006, 556-561). Не будем вдаваться в обсуждение вопроса, можно ли говорить, что мы имеем здесь дело с изменением нормы или речь должна идти о невысоком уровне речевой культуры (В. А. Успенский использует выражение «неправильная норма»). Отметим только, что в качестве точки отсчета тут принимается дореволюционная норма, и у нас нет никаких оснований говорить, что изменение узуса произошло именно за последние два десятилетия. Новым для современной России является сам факт упоминания духовенства в светской печати, и нет ничего удивительного в том, что журналистам неизвестна дореволюционная норма.

Самое яркое явление, мимо которого не проходит никто из тех, кто говорит о резких языковых изменениях последних двух десятилетий, — это иноязычные заимствования. Безусловно, всякое лексическое заимствование может рассматриваться как языковое изменение в том отношении, что оно предполагает пополнение лексики и тем самым изменение описания языка в его лексикографической части. Однако чаще всего иноязычные заимствования происходят вследствие того, что заимствованное слово заполняет лауну в русской лексике, связанную с тем, что в жизнь входят новые явления, для которых нет готового русского названия. Как правило, сначала соответствующая реалья бывает знакома относительно узкой группе «посвященных», которым обычно бывает известно ее иноязычное (в современной языковой ситуации — чаще всего английское) название. Конечно, для обозначения новой реалии вовсе не обязательно брать иноязычное слово, можно было бы воспользоваться богатыми словообразовательными возможностями русского языка; но иногда оказывается проще, не прибегая к словообразованию, использовать готовое слово. По мере того как явление получает все более широкое распространение, все более широко известным становится и его заимствованное наименование. И множество людей, подающих заявки на получение грантов, уже не помнит, что двадцать лет тому назад само слово *грант* было мало кому известно. Впрочем, многие другие слова, которые двадцать лет тому назад не употреблялись в русской речи, и сейчас понятны далеко не всем носителям языка: ср. такие слова, как *пиар*, *нюсмейкер*, *маркетинг*, *фьючерс*, *риелтор*, *мерчендайзинг*, *девелопер*, *ремейк*, *блокбастер*. При этом есть все основания полагать, что если бы вместо этих слов использовались бы слова, построенные на «исконно русской» основе, они звучали бы столь же непривычно.

В то же время для людей, которые не сталкиваются с указанными явлениями, обозначающие их слова не актуальны; иными словами, вхождение этих слов в язык достаточно маргинально по отношению к общему описанию языка, которым пользуются его рядовые носители. В той мере, в какой носитель языка сталкивается с новыми явлениями, он сталкивается и со словами, их обозначающими. Если допустить, что в настоящее время таких явлений стало больше, можно признать, что активизировался и процесс заимствования. Однако факты такого рода лишь в малой степени затрагивают систему языка и языковую норму.

Внешние и внутренние заимствования и картина мира

Однако бывают случаи, когда при заимствовании в игру включаются различия концептуализации мира, характерной для языка-донора и языка-реципиента. Дело в том, что язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира – «языковую картину мира». Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается всем носителям языка.

В соответствии с общими принципами, принятыми в «новомосковской школе концептуального анализа»⁶, представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Пользуясь языковыми выражениями, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир (языковую картину мира), который может отличаться от взгляда, закодированного в других языках: так, свойственное русскому языку (и большинству европейских языков) представление о сердце как органе чувств и голове как вместилище мыслей вовсе не является универсальным.

Нетривиальной чертой русской языковой картины мира, как она сложилась к концу XIX в. и сохранилась вплоть до 1990-х гг., является подозрительное отношение к выгоде, успеху и получению удовольствия. Не случайно слово *корысть*, означавшее выгоду (это значение осталось основным во многих славянских языках), приобрело в русском языке ярко отрицательную окраску; для прилагательного *преуспевающий* было

⁶ Описание русской языковой картины мира, выполненное в рамках данного направления, содержится в книгах (Шмелев 2002; Зализняк и др. 2005). Указанное направление исследований называют также «Московская школа этнолингвистики» (Беликов 2006), работы представителей “Moscow cultural semantics group” (Gladkova 2007, 4).

характерно использование в отрицательных контекстах — см. примеры из «Национального корпуса русского языка»⁷:

- (8) Нашей социальной средой теперь стали диссиденты и люди, вообще настроенные критически или не интегрировавшиеся в слой *преуспевающих* карьеристов. [Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988-1998)]
- (9) Стоило Галичу запеть, то есть стоило ему позволить себе быть самим собой, как из *преуспевающего*, вполне приемлемого для бюрократии драмдепата он превратился в нежелательную личность. [Евгений Евтушенко. "Волчий паспорт" (1999)]
- (10) Теперь под сводами алсуфьевского дворца и в новом здании, выходящем на улицу Герцена, гуляют *преуспевающие* дельцы из "новых русских", рэкетеры и гости из южных республик, занятых братоубийственной войной дома и рыночной колонизацией Москвы. [Александр Городницкий. "И жить еще надежде" (2001)]
- (11) Не менее важным событием в 60-е явилось рождение такого крупного мастера авторской песни, как Александр Галич. Само превращение *преуспевающего* драматурга и киносценариста, пьеса которого "Вас вызывает Таймыр" обошла сцены всех театров СССР, в автора ярких, обличительных, уничтожающих песен представлялось удивительным. [Александр Городницкий. "И жить еще надежде" (2001)]
- (12) Он был трусливый, *преуспевающий*, хлипкий московский барчонок, орущий на секретарей и швыряющий об пол дорогие ручки. [Татьяна Устинова. Подруга особого назначения (2003)]
- (13) Чаще всего — это *преуспевающие* и подчас весьма деловые люди, ловко, бездумно и предприимчиво торгующие своей художественной сноровкой. Прокламируя борьбу со злом, они, в конечном итоге, служат ему! [Вячеслав Морозов. Адмирал ФСБ // "Наш современник", 2004]
- (14) Не беда, что свысока смотрят на офицеров их *преуспевающие* сверстники, поставившие себя на службу преступникам или олигархам (что, в сущности, одно и то же). Сотрудники остаются верны героизму. Малооплачиваемое

⁷ О низком аксиологическом статусе *удовольствия* в русском языке см. (Пеньковский 1991).

подвижничество они не променяют на сытое бесчестие.
[“Серые дьяволы” // “Солдат удачи”, 2004]

При заимствовании сталкиваются языковые картины мира языка-донора и языка-реципиента и, если заимствуемое слово содержит семантические компоненты, противоречащие языковой картине мира языка-реципиента, возникает некоторая коллизия. Может оказаться, что заимствованное слово меняет свое значение приспособиваясь к языковой картине мира заимствующего языка. Так, в польском языке есть слово, обозначающее важную ценность польской языковой картины мира, — *honor* (не вполне точный перевод — ‘честь’). Оно предполагает жертвенность и чувство собственного достоинства, не позволяющее унижаться и отступать от собственных принципов ради выгоды или избавления от опасностей. Однако в русском восприятии поведение, вытекающее из такой установки, может представлять как высокомерие, надменность, отсутствие подлинного смирения. Дело в том, что в соответствии с укорененным в русской культуре представлением, согласно которому не следует слишком высоко оценивать самого себя, слова, указывающие на высокую самооценку, окрашены отрицательно: *самолюбие, самоуверенность, самонадеянность*. Соответственно, в русском языке слово *honor*, будучи заимствованным (в виде *гонор*), вошло в ряд таких слов, как *спесь, кичливость, самоуверенность, самолюбие* и т. д.⁸

Несколько иной семантический сдвиг претерпело французское слово *courage* ‘храбрость, мужество, бодрость’, которое при заимствовании в русский язык существенно изменило свое значение, втянувшись в поле лингвоспецифичных слов *удаль, размах, загул*, отсылающих к сквозному мотиву «широты», в результате оказалось в числе трудно переводимых русских слов. Сходная история произошла с французским словом *aventure* ‘приключение’, которое в русском языке, в соответствии с некоторыми особенностями русского восприятия мира, сузив свое значение, стало указывать на рискованное предприятие, предпринятое в надежде на случайный успех, — *авантюру*. Во всех случаях такого рода имеет место заимствование внешней оболочки слова с изменением его значения в направлении «приспособления» к семантической системе заимствующего языка.

⁸ Ср. ремарку в киносценарии Солженицына «Знают истину танки», описывающую заключенного-поляка: *Гавронский. Вскинутая голова! Грудь, подставленная под расстрел! Гонор — это честь и долг!* В этой ремарке слову *гонор* возвращается «исходное» значение.

С другой стороны, при семантическом калькировании (когда слово, уже существующее в языке, приобретает производное значение под влиянием аналогичного производного значения у слова с тем же исходным значением в другом языке) происходит семантический сдвиг противоположного характера. В этом случае, наоборот, заимствующий язык оказывается под влиянием семантической системы языка-источника. Именно семантическое калькирование приводит к существенным, хотя, вероятно, и не столь заметным языковым изменениям.

Целый ряд заимствований и семантических калек связан с распространением в современном российском обществе идеологии *успеха, потребления и наслаждения*. Как уже говорилось, традиционно в русской культуре *удовольствие* и *успех* не рассматривались как основополагающие жизненные ценности. Характерно отчужденное транскрибирование соответствующих английских слов в стихах Наума Коржавина, написанных вскоре после эмиграции, свидетельствующее, что он не может принять этих ценностей американской культуры. Так, в стихотворении 1978 г. «Реминисценция» он пишет: *И вот живу за краем света, / В тот мир беспечный занесен, / Где редко требует поэта / К священной жизни Аполлон. / / Где жизнь – «инджой»,* — и к слову *инджой* дает сноску: «Инджой – enjoy – получать удовольствие, наслаждаться (англ.)». В поэме «Сплетения», написанной в 1980 г., Коржавин размышляет о том, какова была бы его судьба, если б его дед, цадик, эмигрировал в Америку: *И, может быть, стал бы отменным, / Исполненным сложных забот, / Престижным саксесыфулмэном, / Спецом по обрывкам пустот,* — и к слову *саксесыфулмэн* в сноске поясняет *успешливый человек*. Автору пришлось образовать окказиональное слово *успешливый*, настолько в то время казалось невозможным сочетание *успешный человек*. А в настоящее время множество рекламных объявлений адресуется именно *успешным людям* (и это сочетание полностью лишено отрицательной окраски, характерной для сочетаний с прилагательным *преуспевающий*).

Аналогичное изменение значения наблюдается у слова *эффективный*, которое ранее не могло применяться к человеку, а в современном языке используется в таких сочетаниях, как, напр., *эффективный менеджер* (ср. резкий протест против ценностной установки, выраженной в этом словосочетании, в статье Быков 2007). Целый ряд слов утратил сему отрицательной оценки, например: *коммерсант, бизнесмен, амбициозный, карьера*. Общим для всех этих изменений является одно: принятие установки на достижение *успеха*, вытесняющее внимание к нюансам

отношений между людьми. Понятно, почему эти языковые новации коробят людей, ориентированных на традиционные российские ценности, и могут восприниматься ими как «порча языка». Идеологически ангажированные лингвисты даже говорят в связи с этим о навязывании русскому народу чуждых ценностей, посредством которого «осуществляется манипуляция индивидуальным и общественным сознанием» (Васильев 2003, 132).

Особенно характерно использование калек в языке рекламы. Современная реклама в России (часто переводная) изобилует такими призывами, как *наслаждайтесь*, и это вызывает у носителей русского языка протест (*мы не привыкли наслаждаться*). Для англоязычной рекламы характерно использование слова *adventure* с положительными коннотациями, тогда как русский аналог *приключение* может вызывать в уме просторечный фразеологизм, содержащий неодобрительную оценку *искать на свою жопу приключений*, и не случайно реклама автомобиля, содержащая лозунг *Наполни свой день приключениями* вызвала у одного из пользователей русского Интернета следующую реакцию в «Живом журнале»: «Так и хочется подписать: "Пытаясь заставить это ведро с болтами довести тебя до работы..."» (http://rilliar.livejournal.com/#entry_25823).

Иногда семантическая калька применяется к ранее заимствованному слову, которое уже подстроилось к семантической системе заимствующего языка (можно сказать, что имеет место своего рода повторное заимствование). Иными словами, с некоторым временным разрывом слово претерпевает два противоположно направленных семантических сдвига: сначала слово «подстраивается» под концептуализацию мира, характерную для заимствующего языка, а затем приобретает новое значение, заимствованное из иноязычной концептуализации мира. Так, заимствованное слово *деликатный* (из французского *délicat* 'нежный, тонкий; вкусный; хрупкий; щекотливый; впечатлительный; тактичный; прихотливый'), в русском языке значительно сузило значение и употребляется только для оценки тактичного поведения в сфере человеческих отношений. Это соответствует вниманию к отношениям между людьми, характерному для русской языковой картины мира. Такое заимствование можно считать вполне оправданным: слово *деликатный* не полностью синонимично таким прилагательным, как *чуткий* или *тактичный*. Однако в последнее время, как заметила Ирина Левонтина⁹,

⁹ Это наблюдение нашло отражение в статье (Зализняк и др. 2008, 125-126).

слово *деликатный* стало «расширять» свое значение. Конечно, на самом деле, речь может идти не столько о «расширении» значения, сколько о том, что это слово заново заимствуется из западных языков (при этом, скорее всего, не из французского, а из английского языка) и употребляется, напр., в таких сочетаниях, как *деликатная ткань* или *деликатная стирка*. Такое вторичное заимствование расшатывает сложившийся фрагмент русской языковой картины мира, в котором понятие деликатности занимает весьма важное место и как бы сводит на нет долгую работу русского языка по «оттачиванию» значения этого слова.

Заметим, что именно изменения такого рода являются подлинными языковыми изменениями, поскольку непременно должны найти отражение в лексикографическом описании языка. Словарные статьи таких слов, как *успешный*, *эффективный*, *амбициозный*, *карьера*, не соответствуют их употреблению в современной речи. Скажем, в словаре С. И. Ожегова (1972) дважды приводится слово *карьерный*: как прилагательное от слова *карьер*¹ ‘самый быстрый конский бег, ускоренный галоп’ и *карьер*² ‘место открытой разработки неглубоко залегающих ископаемых (угля, песка и пр.)’; однако от слова *карьера* такое прилагательное не предусмотрено. Однако, если мы обратимся к современным текстам, мы увидим, что подавляющее большинство примеров с прилагательным *карьерный* — это производные от слова *карьера* (напр., в сочетании *карьерный рост*). Иными словами, лексикографическое описание слова *карьерный* и других упомянутых и аналогичных слов приходится приводить в соответствие с современным узусом.

Сходные соображения применимы и к грубым выражениям, используемым в средствах массовой информации. Конечно, они были в языке и раньше. Однако их включение в арсенал средств «книжных» стилей может рассматриваться как своего рода «внутреннее заимствование» (из сниженных разновидностей языка, таких, как жаргоны и просторечие), и недовольство носителей литературной нормы здесь также может быть связано с разрушением сложившейся в русской языковой картине мира системы ценностей. Дело в том, что различные разновидности одного языка характеризуются своими особыми «картинами мира». Так, Ю. И. Левин в статье, посвященной скверноматерным выражениям в русском языке (1986), отметил, что в рамках обценной лексики легко выражаются такие смыслы, как ‘украсть’, ‘обмануть’, ‘мучить’, ‘измучиться’, ‘устать’, ‘надоело’, ‘бояться’, ‘наказывать’, ‘тяжело работать’, ‘до изнеможения’, ‘хвастаться’, ‘провоцировать’; однако такие выражения, как *подарить* или *сказать правду*,

не имеют обценных субститутов. На основе этого наблюдения Ю. И. Левин дал емкую характеристику миру, описываемому данной лексикой. Это «мир, в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором "все расхищено, предано, продано", в котором падают, но не поднимаются, берут, но не дают, в котором либо работают до изнеможения, либо халтурят — но в любом случае относятся к работе, как и ко всему окружающему и всем окружающим, с отвращением либо с глубоким безразличием». Иными словами, матерщина по самой своей природе выражает цинический взгляд на мир, и есть смыслы, которые на матерном языке просто невозможно выразить. Поэтому расширение сферы использования скверноматерной лексики приводит к тому, что расширяется круг людей, которым навязывается соответствующий взгляд на жизнь.

Наплыв речений, заимствованных из уголовного жаргона или просто сниженной, «приблатненной» речи (*разборки, кидалово, разводить, лохи*), также навязывает специфический, «блатной» взгляд на жизнь и соответствующую систему ценностей. В этой системе подлинные ценности девальвируются, заменяются блатными аналогами. Иными словами, «порча языка» заключается здесь в «порче» языковой картины мира, и именно такой «порче» противостоят поборники речевой культуры, в особенности те, кто склонен бить тревогу по поводу современного состояния русского языка (ср. Костомаров 1999; Васильев 2003, 154-180; Скворцов 2006, 5-6).

Здесь опять уместно заметить, что именно эти изменения могут считаться подлинными языковыми изменениями. Слова, уже существовавшие в общеупотребительном словаре, приобрели новые значения (напр., *кинуть/кидать* 'обмануть/обманывать'); слова, имевшие предельно узкую сферу употребления (напр., *лох*), стали общеизвестными; появились новые словообразовательные модели (напр., *мочилово, кидалово*; примечательно, что по этой модели существительные образуются только от глаголов или значений, восходящих к криминальному жаргону).

Можно сделать и более общее утверждение. Самые важные изменения в современной русской речи связаны с изменениями закодированной в языке концептуализации мира. Эти изменения нередко воспринимаются как снижение речевой культуры носителей языка, а по мере того, как они конвенционализуются, можно говорить о языковых изменениях. Сказанное касается самых разных уровней языковой системы. Так, давно говорилось о тенденции к росту аналитизма, характерной для современного русского языка. При этом активизация этой тенденции в

настоящее время (ср. *Комет гель; Тульста кресло; блеск шампунь; вкус йогурт; Актимель малина клюква; Пемолукс гель сода эффект; Новая зубная паста гель колгейт прополис свежесть дыхания*) может быть связана с особенностями восприятия мира, характерными для общества потребления (Levontina 2007). Это же касается и речевого этикета. Пожелания *Хорошего вам дня* или *Хорошего вечера* которое некоторые продавцы магазинов стали в последнее время использовать в качестве формулы прощания с покупателем, звучит по-русски не вполне естественно, так как может восприниматься как неуместное вторжение в частную жизнь адресата, поскольку подразумевает гипотезу о том, чем адресат собирается заниматься в ближайшее время. Дело в том, что в традиционной русской языковой картине мира время суток релятивизовано относительно человеческой деятельности — в противоположность концептуализации мира в западноевропейских языках, в которых время суток гораздо в большей степени связано с положением стрелок на часах. Пожелание *Хорошего дня* является калькой и, так же, как и приветствие *Доброе утро*, обращенное к коллеге, которого говорящий встретил на работе, противоречит нормам русского речевого этикета. Однако по мере распространения этих речевых формул их использование может быть симптомом того, что традиционная концептуализация времени суток заменяется другой, более близкой к западноевропейской модели (Шмелев 2002, 65-67).

Мысль о том, что концептуализация мира в разных языках различна, является аксиомой современной семантики. Однако, как показали исследования последних лет, концептуализация мира в русском языке не оставалась постоянной на протяжении двадцатого столетия. При этом ее изменения происходящие параллельно с изменениями типов речевой культуры, системы речевых жанров и манеры общения современных носителей русского языка, нередко ощущаются как «порча языка» и разрушение норм культуры речи. В связи с этим возникает необходимость модификации самой концепции культуры речи: она должна стать динамичной и включить в себя представления о закономерностях изменения языковой концептуализации мира и взаимосвязи между социальными, культурными и языковыми процессами.

Литература

Беликов, Владимир Иванович. 2006. Учебник русского (Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой

- картины мира: Сборник статей). *Отечественные записки*. 2.
<http://www.strana-oz.ru/?numid=29&article=1256>
- Быков, Дмитрий. 2007. Эффективный менеджер. *Русская жизнь*. 30 апреля.
<http://www.rulife.ru/index.php?mode=article&artID=40/>
- Васильев, Александр Дмитриевич. 2003. *Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления*. Москва: Флинта; Наука.
- Зализняк Анна Андреевна, Ирина Борисовна Левонтина & Алексей Дмитриевич Шмелев. 2005. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры.
- Зализняк Анна Андреевна, Ирина Борисовна Левонтина & Алексей Дмитриевич Шмелев. 2006. Эволюция ключевых концептов русского языка в XX веке: аспекты изучения. *Вестник РГНФ*. 50 (1). 120-127.
- Костомаров, Виталий Григорьевич. 1999. *Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Издание 3-е, испр. и доп. СПб.: Златоуст.
- Кронгауз, Максим Анисимович. 2004. Русский речевой этикет на рубеже веков. *Russian Linguistics*. 28 (2). 163-187.
- Кронгауз, Максим Анисимович. 2007. *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва: Языки славянских культур.
- Левин, Юрий Иосифович. 1986. Об обценных выражениях русского языка. *Russian Linguistics*. 10. 61-72.
- Левин, Юрий Иосифович. 1998. *Избранные труды: Поэтика. Семиотика*. Москва: Языки русской культуры.
- Ожегов, Сергей Иванович. 1972. *Словарь русского языка*. Москва: Советская энциклопедия.
- Пеньковский, Александр Борисович. 1991. Радость и удовольствие в представлении русского языка. В кн. *Логический анализ языка: Культурные концепты*. Москва: Наука. 148-155.
- Потто, Василий Александрович. 2007. *Кавказская война. В 5 томах. Том 2. Ермоловское время*. Цитируется по газете *Вечерний гондольер*. 2008. 160.
http://gondola.zamok.net/160/160potto2_1.html
- Сарнов, Бенедикт Михайлович. 2002. *Наш советский новояз*. Москва: Материк.
- Скворцов, Лев Иванович. 2006. *Большой толковый словарь правильной русской речи*. СПб.: Диля.
- Успенский, Владимир Андреевич. 2006. Субъективные заметки о неправильной норме. В кн. *Русский язык сегодня*. 4. Проблемы языковой нормы. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 537-571.

- Шмелев, Алексей Дмитриевич. 2002. *Русская языковая модель мира: Материалы к словарю*. Москва: Языки славянских культур.
- Шмелев, Алексей Дмитриевич. 2004. Новомосковская школа концептуального анализа. В кн. *Научное наследие академика Ф. Ф. Fortunatova и современное языкознание*. Петрозаводск: ПетрГУ. 16-23.
- Gladkova, Anna. 2007. *Russian emotions, attitudes and values: Selected topics in cultural semantics*. Canberra: PhD thesis.
- Levontina, Irina. 2007. A consumer grammar: Advertising discourse and some active processes in the syntax of modern Russian. In *AATSEEL 2005. Program of the 2005 annual meeting of the American Association of Teachers of Slavic and East European Languages*. Chicago, IL.
- Ryazanova-Clarke, Larissa & Terence Wade. 1999. *The Russian language today*. London & New York: Routledge.